

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ СЕРЕБРА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: НОВЫЕ НАХОДКИ

Введение

О необходимости полного издания корпуса зауральских находок, представляющих серебро Волжской Болгарии и сопредельных ей территорий, не так давно писала Н.В. Федорова [2003]. Данная статья является откликом на этот призыв и вводит в оборот ряд изделий, найденных в 2003–2005 гг. в Шурышкарском р-не Ямало-Ненецкого АО. Часть из них находилась в составе культовой атрибутики северных хантов, другие – в пос. Шурышкары у местных жителей.

Описание находок

1. **Щиток с растительным орнаментом** (рис. 1). Найден Н.Г. Рочевым в 1970-х гг. на берегу сора около пос. Шурышкары. Серебро, тиснение на матрице. Размеры: 13,2 × 7,8 см. Щиток представляет собой овальную, слегка согнутую по длинной оси пластину с загнутыми на обратную сторону краями, которые зажимают медную проволоку диаметром 2 мм, играющую роль каркаса. Лицевая сторона сохранила следы позолоты. В краях пластины с оборота грубо пробиты две пары отверстий. На оборотной стороне щитка тонким режущим орудием выполнены рисунки: антропоморфная фигура и две рыбы (рис. 2).

Известны два аналогичных щитка, также приобретенные в пос. Шурышкары; один из них хранится в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (ТГИАМЗ) [Сыркина, 1983, с. 191, рис. 10], другой – в Музейно-выставочном комплексе им. Шемановского (МВК, г. Сале-

хард). Н.В. Федорова относит последний к продукции Волжской Болгарии XII–XIV вв. [Сокровища Приобья..., 2003, с. 71].

2. **Щиток с изображениями животного, рыб и антропоморфных фигур** (рис. 3, а). Найден М.Л. Истоминым в 1973 г. на берегу сора рядом с пос. Шурышкары. Серебро, позолота, чернь, гравировка. Размеры: 12,3 × 7,3 см. Форма щитка такая же, как у вышеописанного. В краях пластины с лица грубо пробиты две пары отверстий на длинных сторонах и еще одно – на короткой.

Центральный овал образован узкой полоской из гладких и заштрихованных треугольников и разделен на две равные части такой же полоской с более крупными треугольниками (некоторые гравированы “в сетку”). Он окружен широкой полоской в виде трехчастной плетенки. В левом полуовале (рис. 3, б) центральное место занимает фигура “коня”: голова повернута назад, из пасти высунут язык, нижняя часть раздвоенного хвоста опущена вниз, верхняя выполнена в виде змееподобного существа с маленькой головкой, на тулове выгравированы квадрат с насечками и крестообразная фигура. Над спиной “коня” горизонтально расположено антропоморфное изображение: лицо круглое, глаза близкоставленные, руки опущены вниз, на правой – пять пальцев, показан знак пола или хвост, на голове тюрбан. Под животом “коня” выгравирована фигура в виде головы с двумя кисточками и короткими ножками. В правом полуовале изображены две рыбы и на каждой из них по одной мелкой рыбке (рис. 3, в). Между ними находится “двуногая” остроголовая фигура; между хвостами – треугольник. Фигуры рыб и животного покрыты позолотой.

Рис. 1. Щиток с растительным орнаментом.

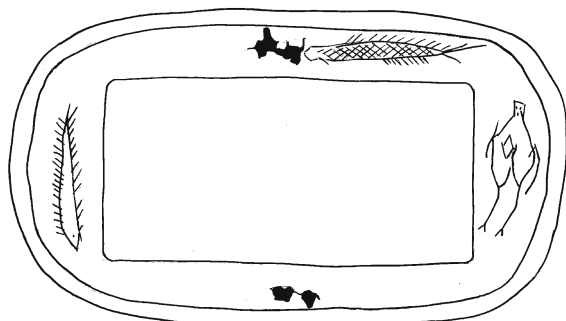

Рис. 2. Гравировки на оборотной стороне щитка.

Пластина с изображением четырех рыб (внутри контура которых также угадываются мелкие рыбки) ранее была приобретена сотрудниками ТГИАМЗ в пос. Шурышкары [Сыркина, 1983, с. 191, рис. 9]; отсюда же происходит пластина с изображением двух идолов и четырех рыб, хранящаяся в МВК. Н.В. Федорова относит данные щитки к продукции Волжской Болгарии XII–XIV вв. [2005].

Смысл сцены в правом овале рассматриваемой пластины, скорее всего, магический, призванный обеспечить рыбный промысел; вероятно, между рыбами изображено морское или речное божество. Можно предположить, что и в левом полуовале представлены изображения двух идолов северных народов.

3. **Браслет двустворчатый** (рис. 4). Найден М.Л. Истоминым в 1996 г. на Черной горе недалеко от пос. Шурышкары. Серебро, позолота, чернь, скань, гравировка. Максимальный диаметр сомкнутого браслета 7 см, ширина 3,3 см. Створки, соединены шарниром, вдоль которого проложена катушечная филигрань. По краям изделия и по средней линии припаяны нитки скани. Места соединения створок с

шарнирами украшены пирамидками зерни. Орнамент браслета состоит из двух поясов позолоченной плетеньки на черневом фоне. Внутренняя сторона одной створки имеет гравированные рисунки: она разделена на две части вертикальной линией, слева от которой процарапаны три короткие вертикальные линии, а справа – фигура животного, скорее всего оленя.

Известны два подобных браслета из Сайгатинского III могильника, относящиеся к продукции Волжской Болгарии XIII–XIV вв. [Зыков и др., 1994, кат. 274, 275]. Ранее в пос. Шурышкары был приобретен браслет XII–XIV вв. [Сокровища Приобья..., 2003, кат. 35].

4. **Бляха с изображением всадника и поверженного воина** (рис. 5). Найдена И.Л. Истоминым около пос. Шурышкары. Серебро, тиснение по матрице, чеканка. Диаметр 7,4 см. Бляха круглая, тонкая, края загнуты на лицевую сторону и зажимают медную проволоку, выполняющую роль каркаса. Центральный медальон оформлен желобком, прочеканенным с лица. За ним следует полоса орнамента в виде вьюнка со спиралевидными отростками. Похожий орнамент имеется на одной из пластин, приобретенных сотрудниками ТГИАМЗ в пос. Шурышкары [Сыркина, 1983, с. 189, рис. 7].

В центре бляхи изображен всадник на коне, сидящий в фас. Лево́й рукой он держит узду, в правой, возможно, показана рукоять кнута. Лицо всадника круглое. Необычно (скелетообразно, словно перед нами всадник-Смерть) оформлена грудь: она разделена вертикальной чертой, по сторонам которой девять (слева от зрителя) и восемь (справа) горизонтальных. Еще одна горизонтальная черта проходит в районе пояса. Подол одежды в форме юбки и туловище коня покрыты сеткой маленьких ромбов; на части туловища у передних ног ромбы расположены в виде креста. Шея коня оформлена горизон-

а

б

в

Рис. 3. Щиток с изображениями животного, рыб и антропоморфных фигур.
а – щиток; б, в, – фрагменты щитка.

Рис. 4. Двустворчатый браслет.

Рис. 5. Бляха с изображением всадника и поверженного воина.

Рис. 6. Фигура семейного духа-покровителя.

Рис. 7. Бляха со сценой охоты.

тальными полосками. Внизу композиции изображена лежащая антропоморфная фигура с конусообразной (собачьей?) головой; в правой руке сабля. Левое плечо приподнято вверх; возможно, таким образом показано, что всадник тащит убитого на веревке.

В краях бляхи пробиты два поздних отверстия, с помощью которых ее могли пришивать к одежде фигуры духа-покровителя.

Похожая бляха была приобретена у И.Л. Истоминой сотрудниками МВК [Федорова, 2005]. Она имеет петельку для подвешивания, а края загнуты на оборотную сторону.

Б.И. Маршак по фотографии датировал описываемую бляху XI в. (устное сообщение, январь 2005 г.).

5. Бляха со сценой охоты. Круглые бляхи с изображением сокольников опубликованы неоднократно [Смирнов, 1909; Лещенко, 1970, 1981; Савельева, 1985; Белавин, Носкова, 1989; Зыков и др., 1994; Белавин, 2000; Шатунов, 2003, с. 50; и др.]. В июне 2005 г. в ходе работ Приполярного этнографического отряда ИАЭт СО РАН была найдена еще одна. В пос. Анжигорте Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО в домашнем святилище хантов в жестяной коробке находились фигура семейного духа-покровителя, поднесенные ей ожерелье из двух пастовых и двух болгарских серебряных бусин, средневековые бронзовые височное кольцо с позолотой и фигурка птицы на красном шнурке, пришитая к платку.

Фигура духа-покровителя состояла из длинной (ок. 30 см) рубахи с открытым воротом, вставленного в нее “кулька” из белой хлопчатобумажной ткани (длина ок. 15 см) в форме вытянутого кофейного зерна и серебряной бляхи, свободно перемещавшейся внутри этого “кулька”. Рубаха сшита из плотной ткани голубого цвета; подол, пояс, край рукавов выполнены из широкой полосы золотого позумента, ворот – из узкой. “Кулек” наполовину выступал из ворота, таким образом выполняя своей верхней частью функцию головного убора, а нижней – туловища. Бляха играла роль лица духа-покровителя (рис. 6).

Бляха круглой формы, диаметром 5,2 см выполнена из серебра в технике плоской чеканки (рис. 7). В центре изображен человек, сидящий на коне и выше пояса повернутый в фас. Голова грушевидной формы, рот открыт; возможно, показаны усы. Всадник одет в глухую куртку с поясом, украшенную широкой Т-образной полосой, штаны и короткие сапожки. Левая рука с сомкнутыми пальцами согнута в локте и поднята вверх, правая с раскрытой ладонью упирается в бок всадника чуть выше пояса (возможно, в ней человек держит какой-то предмет либо ладонь охватывает луку седла). Упряжь коня и седло обозначены широкой полосой с круглыми точками. Конь показан в движении. На бляхе запечатлен сокольник: на локте его правой руки сидит птица с опущенными крыльями. Внизу компози-

ции изображен пушной зверь, скорее всего медведь. Эта фигура стилистически близка бронзовым урало-сибирским изображениям медведя периода средневековья. Перед конем, мордой к нему, вертикально расположена другая фигура пушного зверя, возможно лисицы. Все животные показаны с “ошейниками”. Возле головы всадника с одной стороны изображен месяц, с другой – солнце. Фон композиции заштрихован. По окружности бляхи проходит желобок. В верхней части утолщенный ободок срезан, обратная сторона оплавлена.

Рассматриваемое изделие близко серебряной бляхе, поступившей в Эрмитаж из Березовского окр. Тобольской губ. (куплена у “остяков”). Диаметр последней 5,4–5,5 см [Смирнов, 1909, табл. ХСІ, 24, с. 16; Лещенко, 1970, с. 139, рис. 5]. В.Ю. Лещенко отнес ее к продукции Волжской Болгарии XII–XIII вв. [1981, с. 111].

Стилевое единство обеих блях очевидно; можно предположить, если не одного мастера, то одну мастерскую. Различия невелики. Главное заключается в том, что на бляхе из Анжигорта, помимо медведя, изображен еще один пушной зверь (лисица?). Среди прочего можно отметить: разные оформление одежды, направление фоновых насечек, положение передних ног коня, детали его убранства; на бляхе из Эрмитажа крылья у птицы расправлены; на бляхе из Анжигорта показан край сапога у всадника.

Трудно согласиться с В.Ю. Лещенко в том, что изменение композиции на бляхе из Эрмитажа (а именно, исключение фигур животных, кроме медведя, “срезанный верх головы”, отсутствие рога в руке) объясняется неумением мастера разместить сцену в круге [1970, с. 140–141], скорее задачи изобразить упомянутые детали не ставилось. Как видно по бляхе из Анжигорта, в другом случае мастер легко вписал в композицию еще одну фигуру животного, а голова главного персонажа вовсе не выглядит срезанной.

В.Ю. Лещенко полагал, что на бляхах изображен не простой охотник, а антропоморфное божество, покровитель лесного мира зверей [Там же, с. 148]. Сложно говорить, кто именно подразумевался под всадником; скорее всего, манси и ханты, к которым попадали подобные изделия, видели в нем собственного бога – *Мир-сусне-хума*. Наиболее явным подтверждением тому является сохраняющаяся до сих пор традиция изображать этого бога на суконной жертвенной атрибутике верхом на коне и нередко в окружении зверей [Лещенко, 1981, с. 118–120; Гемуев, Бауло, 2001].

Использование серебряных щитков и блях в культовой практике народов Западной Сибири

Серебряные овальные пластины, насколько мне известно, найдены только на территории Западной

Сибири. В литературе они получили несколько названий: “щитки для защиты руки лучника от удара тетивы” [Зыков и др., 1994; Федорова, 2003; и др.], “нашивные пластины” (И.А. Сыркина), “наручи” (В.Ю. Лещенко); подавляющее большинство исследователей употребляют первое.

Известно, что в эпоху средневековья на севере Сибири охотники пользовались бронзовыми и костяными щитками. Первые найдены на Ямале [Чернецов, 1957, с. 156–157] и в погребении Сайгатинского IV могильника XIII–XIV вв. (размеры этого щитка: 9,7 × 6,2 см) [Зыков и др., 1994, с. 99, № 159]. Бронзовый напальчник размерами 8 × 5 см был обнаружен в культовом амбарчике хантов в пос. Вершина Войкара [Бауло, 2004, с. 139, фото 27]. Средневековые костяные щитки встречались при раскопках Усть-Полуя [Усть-Полуй..., 2003, с. 66]; щиток размерами 10 × 5 см (или его заготовка, поскольку изделие не имеет отверстий для кожаного шнурка) из бивня мамонта был найден М.Л. Истоминым в обвале берега недалеко от пос. Шурьшары. В XIX–XX вв. подобные изделия имели широкое хождение у хантов и манси [Финш, Брэм, 1882, с. 340; Сирелиус, 2001, с. 300, 315; Шухов, 1916, табл. III, рис. 2; Руденко, 1929, с. 33, рис. 13; Бауло, 2002, с. 35; и др.]. Н.Л. Гондатти упоминал щитки из дерева [2000, с. 141]; в 1830-х гг. русские мастера изготавливали для “иностранцев” имитации охотничьих щитков из меди [Гемуев, 1990, с. 77; Бауло, 2004, с. 69].

Следует заметить, что большинство щитков этнографического времени – напальчники, они невелики и закрывают только большой палец руки. В отличие от них серебряные щитки имеют большие размеры и на кисть руки “не ложатся”, их ширина более подходит для руки ниже плеча; здесь уместнее определение “нашивная пластина”, хотя, скорее всего, они крепились посредством кожаных или сухожильных шнурков. Щитки выполнены из тонкой серебряной пластины, которая, безусловно, удар тетивы выдержать не могла; не видно на них и следов от ударов. Можно предположить, что при изготовлении этих пластин мастера имитировали охотничьи щитки аборигенов Северо-Западной Сибири или Урала, но делали их больших размеров, увеличивая покупательную ценность товара.

Два овальных щитка с тисненым орнаментом, найденные на р. Эсс (судя по описанию, они являлись атрибутами не могильника, а святилища, включавшего два амбарчика), определены А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым как церемониальные украшения ювелиров Казанского ханства; эти исследователи без каких-либо аргументов относят щитки к разряду украшений знатной мансийской женщины второй половины XV – XVI в. [2002, с. 36–37].

К.А. Руденко, сомневаясь в однозначном решении вопроса об изготовлении серебряных пластин в Волжской Болгарии, считает, что они являются не столько воинским аксессуаром, сколько магическим символом – частью обрядов охранительной магии; им же выполнена классификация серебряных пластин [2005]. К ней можно добавить следующее. Во-первых, известные “классические” серебряные пластины, как и бляхи с изображениями сокольников, по их толщине и технологии изготовления можно разделить на две группы. Из более толстых и прочных пластин сделаны, в частности, щиток из пос. Ямгорта [Бауло, 2004, с. 138, фото 26], бляхи из пос. Анжигорта и “Тобольской губ”. Они выполнены без применения черни, позолоты, ободков из рубчатой проволоки; основной прием – гравировка. Упрощенность изделий позволяет предполагать, что они копировали болгарские ювелирные образцы и являются более поздними. Место производства определить трудно.

Во-вторых, щитки первой (“классической”) группы можно разделить по представленному сюжету, их два: собственно восточный (орнамент или животные Востока) и ориентированный на северного покупателя (идолы, рыбы). В последнем случае, по мнению Н.В. Федоровой, мы имеем дело с “северным компонентом” в болгарской торевтике, т.е. изобразительным стилем, характерным для западно-сибирского художественного металла [2003].

На ряде щитков имеется дополнительное отверстие: это находка М.Л. Истомина, щиток с изображением рыб [Сыркина, 1983, с. 191, рис. 9], два экспоната из фондов МВК [Сокровища Приобья..., 2003, с. 70–71], пластина с р. Эсс [Зыков, Кокшаров, 2002, с. 36]; на щитке из Сайгатинского I святилища отверстий несколько [Восточный художественный металл..., 1991, кат. 1]. Наличие одного или более дополнительных отверстий предполагает несколько вариантов использования пластины: ее могли подшивать (пришивать) к изображению какого-либо божества в качестве дара или обозначения лица – подобная практика известна в XIX–XX вв. [Шавров, 1871; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 88; Гемуев, Бауло, 1999, с. 72; и др.]; возможно, ее прибавляли к небольшому деревянному идолу или пришивали поверх его одежд, обозначая таким образом “серебряную” грудь. К отверстию щитка, который хранился в составе культовой атрибутики сынских хантов в пос. Ямгорте, был привязан небольшой шелковый платок; в этом случае щиток являлся подарком духу-покровителю.

Бляхи с сокольниками в Западной Сибири встречаются реже, чем в Предуралье. Наличие отверстия в крае упомянутой бляхи из Эрмитажа и факт ее покупки у “остяков” могут говорить о том, что она крепилась к фигуре духа-покровителя в качестве его лица

или “священного круга”. Бляха из пос. Анжигорта выполняла роль лица семейного духа-покровителя.

Отметим, что на ряде серебряных изделий имеются более поздние гравировки: на обороте щитка из Сайгатинского I святилища “процарапанный рисунок”, на оборотной стороне бляхи “с сокольным” из Сайгатинского IV могильника изображение рыбы [Восточный художественный металл..., 1991, с. 21], на пластине из Сайгатинского I святилища – животного [Зыков и др., 1994, кат. 284], на фрагменте пластины из пос. Оволингорта – рыбы и птицы [Бауло, 2004, с. 49], на щитке Н.Г. Рочева – двух рыб и антропоморфное, на браслете М.Л. Истомина – оленя. Все рисунки примитивные, что, скорее всего, отражает общий уровень цивилизованности аборигенов Северо-Западной Сибири в XII–XIV вв. Большинство поздних изображений можно отнести к элементам промысловой магии. Возможно, это свидетельствует о том, что отмеченные гравировками изделия попадали не в “сокровищницы югорских князей”, а в святилища их божественных покровителей.

Введение в оборот новых материалов, полученных в Шурышкарском р-не Ямало-Ненецкого АО, надеюсь, будет способствовать дальнейшему развитию знаний о месте и времени производства средневековых серебряных изделий, а также о вариантах их использования аборигенным населением севера Западной Сибири.

Список литературы

- Бауло А.В.** Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.
- Бауло А.В.** Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 160 с.
- Белавин А.М.** Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. – 200 с.
- Белавин А.М., Носкова Е.Н.** Серебряная бляха из могильника Телячий Брод // СА. – 1989. – № 2. – С. 253–255.
- Восточный художественный металл** из Среднего Приобья. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1991. – 42 с.
- Гемуев И.Н.** Мироззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси: Культовые места. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.
- Гондагги Н.Л.** Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь // Лукич. – 2000. – Ч. 4. – С. 96–144.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Эсский остров. Из пред- истории русского “Взятия Сибири” // Родина: Спец. выпуск. – 2002. – С. 36–39.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Лещенко В.Ю.** Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // СА. – 1970. – № 3. – С. 136–148.
- Лещенко В.Ю.** Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя (булгарский художественный металл в культе финно-угров) // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. – Л.: Мин-во культуры РФ, 1981. – С. 105–126.
- Руденко К.А.** Защитные пластины Предуралья и Зауралья // Finno-Ugrica. 2003–2004. – Казань, 2005. – № 1 (7/8). – С. 27–35.
- Руденко С.И.** Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии России. – Л., 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 13–40.
- Савельева Э.А.** Медальоны с восточными мотивами на европейском Северо-Востоке // Материалы к этнической истории европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: [Б.и.], 1985. – С. 92–110.
- Сирелиус У.Т.** Путешествие к хантам / Пер. с нем. и пуб. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 344 с.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Имп. археол. комиссия, 1909. – 18 с., 300 табл.
- Сокровища Приобья: Западная Сибирь на торговых путях средневековья: Каталог выставки.** – Салехард: Гос. Эрмитаж, 2003. – 96 с.
- Сыркина И.А.** Клад с городища Лорвож (XII в.) // СА. – 1983. – № 4. – С. 182–198.
- Усть-Полуй.** I в. до н.э.: Каталог выставки. – Салехард: СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2003. – 76 с.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Булгарии: Серебряные изделия X–XIV вв. из Зауральских коллекций // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 138–153.
- Федорова Н.В.** Средневековое серебро Волжской Булгарии // Светозарная Казань: Альбом-каталог выставки. – СПб., 2005. – С. 20–21.
- Финш О., Брэм А.** Путешествие в Западную Сибирь. – М., 1882. – 540 с.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–246.
- Шавров В.Н.** Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в обществе истории и древностей российских при МГУ. – 1871. – Кн. 2. – С. 1–21.
- Шатунов Н.В.** Сибирская коллекция Мартина: История первого знакомства // Бахлыковские чтения – 2003: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию угутского просветителя П.С. Бахлыкова. – Сургут: [Сургут. тип.], 2003. – С. 44–52.
- Шухов И.** Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобол. гос. музея. – Тобольск, 1916. – Вып. 26. – С. 1–57.